

A black and white photograph of a man lying in water, looking directly at the camera with his hand resting on his chin. The man has dark hair and a light beard. The water is dark, and his face and hand are partially submerged. The background is dark, and the lighting highlights the man's features and the texture of the water.

Александр
Петров

Неофит
в потоке сознания

Александр Петров

Неофит в потоке сознания

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3300645

Неофит в потоке сознания:

Аннотация

В этой повести Александр Петров, как всегда мастерски, живописует отрывок жизни неофита Михаила – «простого парня», работающего телохранителем некоего бизнесмена. В его жизни ещё действует «призывающая» благодать, которая даром даётся Христом всем, кто с открытым сердцем откликнулся на Его зов. Миша знает, что это благословенное время скоро закончится, и каждую каплю благодати ему придётся добывать потом и кровью, но пока ещё «с ним Жених», а значит это время радости, время любви и чудес. Повесть наполнена воспоминаниями и размышлениями героя, переплетающимися с событиями его настоящего, и это придаёт произведению А. Петрова объёмность и глубину.

Александр Петров

Неофит в потоке сознания

Когда Юрий Борисович предложил купить у него «Волгу» ГАЗ-21, я сразу дал согласие. Знакомые пытались меня отговорить:

– Мишка, ты с ума сошел! Борисыч – разгильдяй и жмот, разве может он продать машину в хорошем состоянии! Да ты разоришься на запчастях и ремонте.

Я вежливо выслушивал аргументы, но в своём решении не поколебался ни на секунду, а дело было в той неповторимой атмосфере, которая витала в просторном салоне автомобиля: уютный запах пластика и кожаной обивки сидений, высота потолка над головой (я со своей комплекцией тяжеловеса и ростом метр девяносто два помещался туда полностью и еще оставалось пространство сверху). О, эти сиденья, больше похожие на диваны в рекреации старинной гостиницы, этот руль цвета слоновой кости с волнистыми углублениями для пальцев! А обтекаемо-округлый, солидный корпус!.. Я оглаживал бронированные волны, как абрек ахалтекинца, и мне казалось, что он сочетает в себе, вроде бы несовместимое: роскошный лимузин, тяжелый танк и колосс «Родина-мать» на Мамаевом кургане... Всё это, и еще нечто совершенно неуловимое, но очень родное, домашнее, сделало этот автомобиль самым желанным с детства, когда еще

мальчиком я впервые сел на упругое широкое сиденье рядом с водителем и замер, погрузившись в таинственные, очень приятные ощущения. Вопреки подозрениям моих друзей по поводу Юрия Борисовича, он поступил со мной очень уважительно. Вместе с автомобилем достался мне аварийный комплект запчастей и просьба беречь раритет и обращаться по поводу любой проблемы, связанной с машиной.

– Поймите, Михаил, – шептал он взволнованно, – «Волга» ГАЗ-21 – не просто транспортное средство, это старый надежный друг, отчий дом на колесах, крепость, наконец. Вы понимаете, почему для меня так важно передать её в надежные руки?

Да, я его понимал. Стоило мне впервые сесть за руль автомобиля, выехать на шоссе и неспешно, на малой скорости, прижимаясь к обочине, начать движение по гладкому асфальту, чувствуя себя хозяином этой машины, которая послушно выполняла мои команды, как я понял, что сроднился с ней навсегда. Обычно говорят: «На какой тачке ездешь?», «Я езжу на БээМВэ!» О, нет, я ездил не на машине, а в машине. Итак, мне нравилось ездить в моей машине, непрестанно, до головокружения вдыхать неповторимый уютный запах, чувствовать, как послушна она, как мы нравимся друг другу и как хорошо нам вдвоем, особенно во время дождя, когда по корпусу монотонно стучат капли воды и льются прозрачные струи, а тебе сухо, тепло и уютно, как дома у камина в кресле-качалке.

Часто поздним вечером я выходил из дома, открывал тяжелую дверцу, садился на сиденье-диван, запускал двигатель, прислушивался к мерному урчанию, как врач-кардиолог – к ритмичному биению сердца ветерана спорта; включал тихую музыку, выезжал на проспект под лиловый свет аргоновых фонарей и медленно двигался безо всякой цели, просто чтобы двигаться, чувствуя радушное единение с моим автомобилем, ощущая свою защищенность от ветра и дождя, холода и сырости, истерик и суеты, как в неприступной крепости, как в старинном замке, окруженном глубоким ровом, заполненном водой.

Дело, наверное, в том, что мне пришлось немало пожить в общежитиях, а так же снимая углы в частных квартирах и домах. С юности познакомился я с горечью бездомного бича, мечтательно разглядывающего светящиеся окна многоквартирных домов, где мелькают силуэты по-домашнему одетых жильцов, совершенно не понимающих своего привычного уютного счастья.

Моё детство пролетело в крохотном поселке, выросшем вокруг комбината по переработке торфа. Родители получали немного, поэтому освоили наряду с основной профессией, еще и дополнительную: искусство гнать самогон из чего угодно. Мало кто из жителей нашего поселка доживал до старости. Большинство кончало жизненный путь, не дотянув до пенсии. Причиной тому, как я понимаю, было тупое беспроектное пожизненное рабство, от которого никуда не деться.

К тому же в поселке преобладал унылый бурый цвет, что наводило гнетущее уныние. Всё там навечно пропиталось торфяной пылью: земля, дома, машины, вода в дренажных канавах, одежда и лица людей, и даже небо. В воздухе висел терпкий дымок от тлеющего торфа, который использовали в качестве бесплатного топлива для печей ввиду высокой стоимости дров. Народ здесь обреченно работал, отравлялся и спивался.

Может поэтому, когда я вернулся домой с выпускного вечера, такой возбужденный, опьяняюще взрослый, весь в радужных планах на будущее – меня на завалинке поджидал отец, окутанный едким папиросным дымом. Он молча протянул мне толстый трофейный бумажник с тисненым орлом, набитый замызганными трёшками и рублями, и умоляюще-требовательно сипло крикнул:

– Беги, сын! Собирай вещи и беги отсюда, а то сдохнешь в этом болоте, как я, как мать твоя, как все мы тут. Сынок, беги, не оглядываясь; ничего не жалеи, ни с кем не прощайся!

И я уехал из своего дома, из родного поселка, из детства. До сих пор отчетливо помню, как сжималось сердце, как давила на грудь свинцовая тяжесть, когда я сидел в обнимку с брезентовым рюкзаком на станции в ожидании поезда. Меня сотрясал озноб, но не от утренней прохлады, а от страха перед неизвестностью и полного одиночества. Я перебирал в памяти какие-то яркие впечатления: бабушкины оладьи, сказки на ночь и тёплые руки её; пунцовые губы и румянец

на пухлой щеке девочки Тани, первый белый гриб, найденный в густом лесу; и первый удар в лицо, полученный от хулигана, на голову меня выше...

Словно ураганом унесло в прошлое уроки, экзамены, экскурсии, турнир КВН, кино в доме культуры, растекающиеся под мутной струёй самогона лица родителей и соседей, моё первое похмелье и первое обещание больше никогда не пить – в ту минуту отчаяния такие важные события вдруг, превратившись в мираж, исчезли. Изо всех сил я старался остановить улетающее прочь детство, снова и снова заставлял себя вспоминать что-то еще, будто сладострастно расчёсывая заживающую рану. Однако вдали взвизгнул подъезжающий поезд, и наступил миг, когда я четко осознал, что всё это – и хорошее и плохое – безвозвратно унесло в прошлое, а впереди – только холодные рельсы, тупая морда электровоза с чередой пыльных вагонов, в один из которых я сейчас войду и лягу на верхнюю полку; а впереди – зябкий восход в серовато-розовой дымке и моё волчье одиночество.

В духоте вагона, лишь только умокли посадочные голоса и звуки, я лег на спину, и воспоминания снова окружили меня призрачными тенями прошлого. В юности, по мере возмужания, всё чаще появлялась необходимость побыть одному, чтобы подумать о смысле жизни, о будущем, о той новизне, которую приносил каждый прожитый день. Тогда уходил я в лес, забирался подальше от дорог и тропинок, ягодных и грибных мест – туда, где растёт высокая трава, слегка вол-

нуется и затягивает в зеленый пахучий омут; я падал спиной в упругие изумрудные волны и часами смотрел в лазурное небо на плывущие облака, спокойные и безучастные ко всему земному, на свободных птиц в высокой синеве, на мошкар, вьющуюся надо мной в луче солнца.

О, в те часы я не чувствовал одиночества, наоборот, мой мир казался перенаселённым, наподобие китайского квартала, только не суесящимися человечками, а тысячей идей, миллионом потрясающих мыслей. Впрочем, одиночество так же не обошло меня гнетущей печалью, но поджидало именно среди людей, с которыми делился мысленным богатством, а они не только не пытались понять, но смеялись и даже издевались надо мной, будто не они, а я проявлял тупость в ответ на их идеи. Были у меня два верных друга: Юрик, маленький, на голову ниже меня одноклассник, нуждавшийся в защите здоровяка; и девочка Таня, круглолицая тихоня с ласковыми глазами, пухлыми губами и носиком-пуговкой, которая первая из женщин заговорила со мной о создании семьи, что её занимало с раннего детства и о чем она постоянно заботилась и непрестанно мечтала. Эти двое друзей могли слушать меня часами, участливо кивая, при этом каждый думал о чём-то своём, но я испытывал к ним благодарность за то, что они не отталкивали меня, не издевались, а наоборот, проявляли уважение, спрашивая, откуда всё это во мне берётся.

Однажды мы втроем вышли из школы, как всегда я раз-

вивал какую-то идею, кажется что-то насчёт созидательных следов, которые каждый человек обязан оставить после себя в этой земной жизни, например, дом, дерево, ребёнка, книгу... Как вдруг голова моя сотряслась, перед глазами поплыло, и с некоторым опозданием я ощутил тупую боль в затылке, потом – провал, а когда очнулся, вокруг мелькали ноги, надо мной пыхтели искаженные злобой лица парней, которые избивали моё тело сапогами, потом густое марево, наполнившее меня и всё окружающее пространство, резанул свист – и всё остановилось. Я сидел на земле, передо мной качались деревья, и плыла кирпичная стена, в стороне замер остолбеневший Юрик и как-то весьма печально смотрел на меня, будто я обманул, не оправдал его надежд, и он уже никогда не сможет рассчитывать на меня, как на защитника; а прямо передо мной сидела на корточках Таня, торопливо рылась в карманах, достала оттуда три пятака и приложила к моему лицу. Самое обидное, избивали меня безо всякой причины, просто парни из банды Штопаного с утра выпили, им стало скучно, вот они и пошли туда, где собираются люди – в школу, а тут и я подвернулся. Уже вечером они «ломанули» магазин, а ночью их «повязали» в заброшенном сарае, где они обычно собирались.

Юрик после того избиения перешёл под опеку флегматичного крепыша из соседнего класса, а Таня до самого выпускного бала продолжала выслушивать меня и в перерывах бурления потока моих идей, предлагала подумать о распределе-

нии ролей в будущей семье, на что я отвечал, что по совету отца женюсь не раньше, чем отслужу в армии и закончу институт, на что она замолкала, отступая, чтобы через час-другой обратно вернуться к жгучей для неё семейной теме.

Как мог, я уважал взрослое мнение маленькой женщины Тани и, конечно, выполнил её просьбу, сделав даже не одну попытку. Несколько раз дома перед сном я пытался представить себя мужем Тани: вот мы после трудовой смены сидим за столом, оба почему-то с большими животами, я пью самогон, Таня – плодово-выгодное «красненькое», жуём котлеты с картошкой, я – лысый, в черных сатиновых трусах по колено и в линялой синей майке, она – в байковом коричневом халате, в бигудях на голове; нам уже давно не о чем говорить, поэтому всё время смотрим черно-белый телевизор, по экрану которого змеятся трескучие помехи, а я вспоминаю о тысяче нереализованных идей и миллионе рухнувших планов и молча ненавижу её за то, что она похоронила высокие мечты и погрузила нас в то мешанское болото, в котором обреченно тонули мои родители и всё взрослое население рабочего поселка. Тогда я задавал себе вопрос: имею ли я право так тупо закапывать в трясины те восхитительные идеи, те замечательные мысли, высокие, как синее небо и сверкающие, как солнце, которые сходят на меня почти непрестанно? И каждый раз засыпая, сам себе и своему будущему отвечал твёрдо: нет, это преступление!

Ранним утром на серый асфальт перрона Курского вок-

зала я сошел бесчувственным к собственной боли и страху, будто превратился в огромный мозоль, а откуда-то со дна души поднималась ничем не обоснованная уверенность в том, что я сумею пройти свой путь до победного конца. Потом замелькали в моей неприкаянной жизни сумасшедшие старухи, сдающие угол в грязной комнате в дощатом бараке, полупьяные физиономии друзей, лощеные лица преподавателей, туповато-важные маски вахтеров и комендантов общежитий. Почти каждую неделю я строчил родителям подробные письма о своём житье-бытье, цепляясь таким образом за прошлое, не желая терять того, чем жил, не желая становиться бездомным сиротой. Только одно письмо пришло в ответ. Отец написал, что рад за меня, что я правильно сделал, послушав его, и удрал из болота. Я перечитывал письмо в половину тетрадного листочка, гладил пальцами, нюхал даже, вдыхая тающий запах торфа, табака, лука и сивухи, но без отвращения, а с удовольствием, как запах моего детства, моих родителей, моего дома.

Летняя сессия подходила к концу, в зачетке скопилась коллекция автографов с однообразными «зачтено» и «отлично», и я уж потихоньку собирался домой, зарабатывая деньги на разгрузке вагонов, покупая гостинцы, как вдруг однажды вахтер на входе в общежитие молча протянул мне телеграмму и опустил мутные глаза. Трижды перечитал я казенные бездушные слова на желтоватой телеграфной ленте, небрежно приклеенной к серому бланку, пока до меня до-

шел смысл: отчий дом вместе с родителями сторел дотла. Вспомнился отец, который кричал мне: «Беги, сын! Беги, не оглядываясь!» Вспомнил пьяненькую мать с безумной доброй улыбкой на опухшем дряблом лице, разбитных школьных друзей, с первых классов школы знакомых с похмельем, понурых соседей с бурыми лицами, бегающих к моим деловым родителям за очередной дозой мутного напитка. На похоронах я был, как полумёртвый, меня водили под руки, наливали и совали под нос граненые стаканы с самогонном: «Дерни, Мишк, полегчает!» Но не легчало, и даже вообще не действовало, будто это была теплая вода из летней лужи.

Соседи по десятому кругу рассказывали, как после моего отъезда отец перестал ходить на работу, а только сидел в сарае у самогонного аппарата, гнал сивуху и пил, пил, не закусывая... Я знал, что в таких случаях положено плакать, а лучше рыдать и выть – но ничего такого со мной почему-то не происходило. На душе стояла мертвая тишина, в которой затухающим эхом раздавался отцовский крик: «Беги, сын!»

Раздался резкий хлопок, я невольно вздрогнул и огляделся: оказывается, сижу в машине и смотрю на тестя, который только что опять не сумел удержать дверь на тугой пружине, она вырвалась из рук и гроыхнула на весь двор. Тесть, как и я, не любил резких звуков, мы с ним предпочитали тишину. Сегодня у них семейное торжество, годовщина свадьбы, и как всегда, теща дала нам задание проехать по магазинам,

подкупить что-нибудь к праздничному столу. Алексей Иванович запаздывал, я же сидел в салоне моей «Волги», слушал ностальгическую джазовую музыку и утопал в ласкающих волнах уюта. Сутки я работал без сна и отдыха, но чувствовал себя неплохо, может, благодаря отключениям сознания на несколько минут, которые можно назвать и кратковременным сном, во всяком случае, каждый раз, когда просыпался или приходил в себя, на меня накатывал прилив сил.

С некоторых пор стал за собой замечать, как моё сознание пытается оторвать меня от насмерть прилипшей к ногам земли, воспаряет над болотистыми низинами и стремится ввысь, в бесконечное пространство, где чистые упругие потоки нагретого солнцем воздуха подхватывают и несут в неведомые, таинственные – при этом легко узнаваемые дали – генетической памяти нашего райского прошлого. Отсюда, из плавных светонесущих потоков бесконечного восхождения, и вся моя жизнь, и любой миг прошлого и даже будущего – видится иначе: что-то как бы затягивается густым туманом забвенья, что-то наоборот проявляется отчетливо и ясно; и я начинаю понимать, что существуют события неважные или даже ложные, которые следует забыть, но есть и такие, от которых зависит не только твоя судьба, но судьбы множества людей – и эти дела и слова необходимо рассматривать снова и снова, пока не откроется их сакральный смысл.

В последнее время хозяин сильно нервничал. Ему сооб-

щили, что на днях вышел на волю один из «заклятых друзей», которого он три года назад упёк за решетку. Вообще-то хозяин – мужик не робкого десятка и должен бы уж привыкнуть к непрестанным угрозам, но на этот раз видно сдали старые потрёпанные нервишки, и он испугался по-настоящему. Мы с моим напарником Владом попеременно охраняем Палыча. Был у нас третий, но недавно сбежал, и пока не подобрали замену, дежури́м «сутки через сутки», нарушая нормы Трудового Кодекса. За три года я успел привыкнуть не только к Палычу, но и к его семье, довольно разношерстной и непростой. В круг наших с Владом обязанностей входила охрана не только хозяина, но его домочадцев и даже ближайшего окружения. Конечно, на первый взгляд, защитить такое количество людей кажется невозможным, но мы-то этим занимаемся и пока успешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.